

УДК 82.091:82-3 (=512.154)

КОД МАНАСА КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ КОДОВ ПЕРЕСТРОЙКИ

Г.А. Айтмаева

Анализируются изменения, происходившие в поле кыргызской прозы в период перестройки – последний период советской истории.

Ключевые слова: Манас; кыргызская проза; перестройка; поле литературы; общественное сознание.

CODE OF MANAS AS A MAIN CODE OF PERESTROIKA

G.A. Aitpaeva

The article is focused on analysis of certain changes in Kyrgyz prose of the Perestroika time, the last period of the Soviet history.

Key words: Manas; Kyrgyz prose; perestroika; field of literature; public domain.

Введение. Данная статья написана в рамках проекта “История перестройки в Центральной Азии и Монголии”, участником которого автор был в 2010–2013 гг. Проект осуществлен при финансовой поддержке Фонда Фольксвагена.

Вопросы, связанные с изучением и изданием классического героического эпоса “Манас”, в годы перестройки – последнего отрезка советской истории – создали зону особого напряжения. Справедливо будет заметить, что эпическая трилогия “Манас” на протяжении всего советского времени была причиной больших, прежде всего, идеологических споров, разногласий и гонений [1]. Однако в предыдущие годы процесс этот шел в ограниченном круге специалистов: фольклористов и литературоведов, писателей и работников, отвечающих за идеологию. Остальная часть общества получала информацию в виде готовых решений (в форме указов или постановлений). Гласность периода перестройки позволила этому вопросу перейти в широкое публичное пространство.

Изменение “идеологических диспозиций” в период перестройки. В 1986–1988 гг., в связи с разным пониманием того, в какой редакции эпос может быть издан, возникла острая дискуссия между крупными деятелями кыргызской литературы Аалы Токомбаевым и Чингизом Айтматовым, Аалы Токомбаевым и Түгөлбаем Сыдыкбековым [2]. Их мнения в жанре открытых писем печатались в еженедельной газете “Кыргызстан маданияты” (“Культура Кыргызстана”) – органе Союза писателей и министерства культуры Кыргызстана. Возможно, именно из-за публикации серии подоб-

ных писем эта газета в ряде наших интервью возникает как рупор перестроечных идей. Наиболее острые материалы, посвященные спорам вокруг эпоса “Манас” или кыргызского языка, публиковались в те годы одновременно на двух, русском и кыргызском языках.

Не только в некоторых интервью с очевидцами тех дискуссий, но и в учебнике К. Артыкбаева, предназначенном для широкого круга пользователей, и прежде всего, для студентов, можно увидеть трактовку этих споров как “личностных”, причиной которых являлось личное неприятие, непонимание и т. д. [3]. Но в контексте большого времени становится очевидным, что именно публичные дискуссии с участием ведущих деятелей литературы имели прямое влияние на структуру литературного поля. Дебаты об эпосе, а также языке, запрещенной литературе, вышедшие в широкое общественное пространство в годы перестройки, на самом деле, были борьбой за сохранение или изменение “идеологических диспозиций” (П. Бурдые).

Год 1989: Казат Акматов “Күндү айланган жылдар”. В 1988 г. очень осторожный в своей политике журнал “Ала-Тоо” начал печатать новый роман Казата Акматова “Күндү айланган жылдар” (“Годы, вращающиеся вокруг солнца”) [4]. В следующем, 1989 г., произведение вышло отдельным изданием.

Это был первый кыргызский роман, посвященный судьбе эпоса и его сказителям. Поразительно, но до времени перестройки мотивы “Манаса” в форме художественной прозы не существовали. До Казата Акматова никто из кыргызских прозаиков не писал об эпосе как о духовной

силе, сохраняющей этническую идентичность кыргызов, а о сказителях эпоса, манасчы – как о людях, ответственных за сохранение независимости своего народа.

Если бы писатель просто написал роман о далеком эпическом времени, то это была бы одна история. Акматов создает совсем другой дискурс. В его романе изображены три внешне далеких друг от друга времени и пространства, или, выражаясь языком М. Бахтина, три разных “хронотопа”. Условно их можно обозначить как:

- современный, в целом соответствующий времени написания романа и касающийся семейства Сагаровых, а сквозь его призму – определенный слой кыргызского общества середины 80-х гг. XX в.;
- исторический, отражающий процессы революционных и последующих 30–50-х гг. XX в. События этого периода сконцентрированы преимущественно в селе Долоноту и городе Пишпекте, в тех сферах, где формировался человек новой – советской эпохи. Заметим при этом, что Долоноту, памятное по первому роману прозаика “Время земное” (“Мезгил”, 1982), является в его художественном мире тем, чем, к примеру, для Михаила Шолохова была Вешенская, т. е. местом, где сосредоточены проблемы вселенского масштаба;
- мифологический (доисторический), касающийся событий той незапамятной поры, когда земля кыргызов была завоевана хейхунами, а сами они покорены чужеземцами.

Две центральные сюжетные линии романа связаны с судьбами двух главных героев, становление которых совпало с революционным переворотом семнадцатого года и построением советской системы. Они – ровесники, и жить им выпало в одни годы. Но кроме этой общности было у них еще одно сходство – сходство имени. Имя Жайсан впервые в романе встречается при описании событий той эпохи, что условно обозначена нами как мифологическая. В древнейшие века, согласно романному преданию, кыргызы были завоеваны и поработаны хейхунами до такой степени, что стали забывать о собственном прошлом, былой свободе и, казалось, навсегда смирились с участью подвластных. Но в этот катастрофический час среди жезтандаев – одного из кыргызских родов – нашелся человек, сумевший пробудить в соотечественниках тщательно уничтожаемые чужеземцами свойства – память о славном прошлом и желание свободы. Тем человеком был поэт Ыраман, а его оружием против беспамятства родного народа стало огненное слово эпоса. С большой тревогой и опасением воспринято возрождение эпоса ум-

ным и хитрым врагом. Хейхуны после долгих и напряженных поисков нашли и уничтожили поэта и весь его род. Спасся лишь один мальчик – сын Ырамана по имени Жайсан. Он продолжил родословную и дело жезтандаев, унаследовав их отличительный признак – дар сказителя. Кроме того, Жайсан стал одним из сорока сподвижников Манаса и сражался за независимость кыргызов не только высоким словом, но и оружием.

Через предание о жезтандаях в романную ткань введен комплекс информации, которую можно обозначить как код “Манаса”. Этот код, прежде всего, содержит идею национальной независимости кыргызов, и носителями этой идеи являются манасчы – сказители эпоса. Поэтому Жайсан в семантике романа – не просто имя, но символ самосознания и освобождения кыргызов. Жайсан в романе не просто имя, но судьба. В дальнейшем мальчики из рода жезтандай, названные Жайсанами, должны были стать хранителями, сказителями и творцами эпоса. Так два Жайсана из революционного времени оказываются тесно соотнесены друг с другом и далеким предком, ни друг друга, ни предка при этом не зная; тем самым, между разными временами – через людей с одинаковым предназначением – протягиваются общие идеи и смыслы.

Героями исторического среза романа обладание даром манасчи воспринимается как предназначение. В их толковании дар этот – не фантазия поэтов, не вымышленный мир, но несомненная реальность. Писатель великолепно подмечает это свойство народного сознания в таком эпизоде. Советская комиссия, выясняющая социальное положение граждан и с учетом этого решающая их участь, пытается установить, кто есть известный сказитель Чоюке: богач или бедняк? Кыргызы дружно отвечают: манасчи. Но для комиссии это не ответ. Никак не добившись нужного ответа, комиссия решает выяснить, кто же тогда сам Манас, богач или бедняк? Теперь уже народ повергнут в полную растерянность. Оказывается, востребованный комиссией факт биографии Манаса в народном сознании не актуален. Сама постановка вопроса (богач или бедняк) и данный народом ответ (манасчи) свидетельствует о столкновении принципиально разных взглядов. Кардинальное непонимание, возникшее по поводу Манаса и манасчи между представителями новой власти и народом, является предвестием будущей трагедии эпоса и его приверженцев.

Новое время с его бескомпромиссностью и нигилизмом неизбежно пришло в противостояние с предназначением Жайсанов. Новое время отрицало их право на изначальную судьбу и ставило в ситуацию трагического выбора. Смена имени оз-

начала смену судьбы. Писателя чрезвычайно волнует вопрос: что сильнее, кровь сотен поколений жезтандаев, устоявших под игом хейхунов, имя-судьба или суровое настоящее? Что зависит от самого человека в подобной ситуации?

Оба Жайсана были вынуждены покинуть родные места. Оба подведены к драматической развилке выбора. С этой развилки начинается совершенно новый этап в жизни каждого героя. Так возникают два повествовательных центра в романе.

Два героя оказались по разную сторону баррикад. Впервые они сталкиваются в мастерской, где создавался памятник Манасу. Этот памятник, названный “Боштондук ырына” (“Песнь свободы”), был почти закончен, когда однажды ночью появились уверенные в своих действиях люди и разрушали его. Главным среди ночных налетчиков был Сатаров – один из Жайсанов, сменивший имя. Этот герой энергично, обдуманно и неуклонно пробивал целину, второй – незаметно, но так же неуклонно держался изначальной стези, позволяющей не изменить долгу сказителя и делу предков. Да, он не стал большим сказителем, как предрекали ему в юности и как мечтал он сам. Да, в тяжелую минуту, когда его исключили из комсомола и прорабатывали за несознательность, Жайсан струсил и не поехал на похороны Учителя. Да, в разговорах он старался скрывать свое имя и происхождение. Однако с этим героем не произошла полная и необратимая трансформация, как с Элебаем Сатаровым.

Знаменательно, что жизненные дороги двух главных героев пересекаются именно в зоне памятника, который в семантике романа воплощает такие понятия, как независимое прошлое и национальная свобода. Жайсан упорно строит памятник – Элебай упорно его разрушает. Так, люди с изначально одинаковым предназначением посвящают жизнь прямо противоположному делу.

История двух героев в скрещении и взаимотражении выводит читателя в область серьезных раздумий, обнаруживая тем самым семантическую ценность сюжета и композиции романа. Мифологический, исторический и современный срезы присутствуют здесь внутренне цельно, хотя содержание и динамика их при этом разные. Жизнь человека, попадая в большую временную перспективу, объективируется и проступает в сущностных своих чертах. Элебай Сатаров в трудные годы отринул прошлое и начал отсчет жизни с 1929 г. Его целиком поглотило революционное настоящее, которое он воспринял как установившееся навсегда. Но наступило будущее в лице младшего сына Сатарова, ставшего скульптором. И оно, надписью сына на перевернутой вверх ногами скульптуре отца, осудило его за напрасно и ложно прожитую

жизнь. Таким образом, Элебай Сатаров, когда-то отказавшийся от прошлого, лишен и будущего. Он живет только в своем настоящем. Но “все, что принадлежит только настоящему, умирает вместе с ним” [5]. Казат Акматов утверждает, что в большой временной перспективе сатаровская модель жизни обречена и бессмысленна. История жизни двух главных героев романа имеет в интерпретации писателя ясно выраженную мораль: человек волен сделать свой выбор в любые времена. И за этот выбор он ответственен. В самом конце произведения раскрывается еще один смысловой нюанс названия романа. Он содержит идею круга – фигуры, не знающий разрывов. Сатаров, разорвавший связь с прошлым, безвозвратно выпадает из космического и исторического целого родного народа и превращается в ничтожную “пушинку на ветру”. Жайсанбек сын Жээнчоро не состоялся не только как манасчи, т. е. сын своего народа. Он не состоялся как сын родного отца и отец собственного сына, что в концепции К. Акматтегина тесно взаимоувязано.

В сюжете “Күндү айланган жылдар” К. Акматтегина задействованы героини-двойники. В типологическом аспекте сюжеты такого рода связывают с инициацией [6]. Старинный мифо-обрядовый каркас отчетливо вычленяется в данном романе, хотя у писателя вряд ли была сознательная ориентация на него. С одной стороны, древняя сюжетная схема наполняется в романе остро актуальной для кыргызского общества конца восьмидесятых проблематикой. А с другой, поместив в центр повествования образ начинающего манасчи и два варианта его развития в нетрадиционных условиях, писатель трактует “роковые минуты” истории как испытание. Потому изначальная семантика сюжета – инициация, как суровое испытание, в результате которого юноши становились мужами, своеобразно присутствует в “Күндү айланган жылдар”.

В интервью на вопрос, как он задумал и написал этот роман, Казат Акматов ответил, что многолетние споры и скандалы, которые шли в академической сфере и в которых он участвовал как представитель партийных органов, пробудили творческий интерес. Иначе говоря, Казат Акматов пришел к идее написания романа “Күндү айланган жылдар” через свою общественно-политическую деятельность. Он был одним из основателей движения “Кыргыздын демократиялык кыймылы” (“Демократическое движение Кыргызстана”, 1989).

Писатель рассказал, что памятник “Песнь свободе”, который в его романе трижды разрушали, является символом тех усилий, которые кыргызские интеллигенты предпринимали для празднования тысячелетия Манаса [7]. Трижды в советский период эти усилия заканчивались ничем. Только

с обретением независимости, в 1995 г., тысячелетний юбилей великого эпоса был отпразднован. И еще писатель подчеркивает, что для него это было именно исследование, в котором он хотел понять природу эпоса “Манас” и его сказителей. Казат Акматов до сих пор глубоко озабочен вопросами, каковы механизмы возрождения эпоса, как человек становится носителем эпического знания?

Очень важно заметить тот факт, что роман Казата Акматова “Күндү айланган жылдар” стал первым в ряду художественных произведений, так или иначе связанных с эпосом. Все они появятся позже, после обретения Кыргызстаном независимости, и образуют особое звено в структуре кыргызской литературы. Иначе говоря, роман Казата Акматова положил начало изменению структуры литературного поля.

Но еще более важно отметить другое обстоятельство, а именно, очевидную связь между “перестроечным” романом К. Акматова и последующим за ним ходом общественно-политического развития. Историческая проза Акматова с высокой точностью предвосхитила развитие общественно-политических событий. Уже в начале строительства независимого государства идеологами первого президента страны была сделана попытка использовать “Манас” в качестве государственной идеологии [8]. Одним из лозунгов второй революции в независимом Кыргызстане в 2010 г. был лозунг “Манастын арбагы колдосун!” (“Да хранит нас дух Манаса!”).

Литература и общественное развитие. Появление романа “Күндү айланган жылдар” в 1989 г. в журнале “Ала-Тоо” ввело или, выражаясь точнее, вбросило в общественное пространство код “Манаса”, или идею независимости кыргызов, и сделала сказителей носителями этой идеи.

Сейчас, через 20 с небольшим лет, идея, выраженная в романе, стала практически общим местом среди “почвенников” – общественных организаций и движений национал-патриотической ориентации.

Так какова природа связи романа Казата Акматова с последующим общественным развитием? Сам Казат Акматов в нескольких разговорах ни разу не упомянул о своем возможном влиянии на развитие общества. Он подчеркнул другое: “Этот роман не был оценен литературной критикой тех лет” [9]. Мы бы добавили, что роман до сих пор не осмыслен и не оценен должным образом в отечественном литературоведении.

Чем можно объяснить концептуальное сходство между романом “Күндү айланган жылдар” и последующим ходом истории Кыргызстана?

С. Переслегин, размышляя о влиянии литературы на общество и ответственности писателя, гово-

рит о разном влиянии книг в разные исторические периоды. Его наблюдения, основанные на истории мировой литературы, показывают, что в те периоды, когда один политический режим падает, а другой еще не возник, колоссально возрастает влияние книг на общество. Ту функцию, которую литература выполняет в такие периоды, С. Переслегин назвал “кристаллизующей”: “Но в тот момент, когда распались все старые связи, вопрос, во что выкристаллизуется мир, был открыт. Он мог выкристаллизоваться в одну из очень многих схем” [10].

В 1989 г., когда советская система в республике еще исправно функционировала в части идеологического контроля, творческий гений Казата Акматова создал одну из схем или возможностей общественного развития на основе традиционных ценностей, главной из которых был эпос “Манас”.

Почему возникла именно такая схема можно попытаться объяснить двойной позицией самого Казата Акматова. Он был одновременно представлен в обоих полях: в поле литературы и поле власти от литературы. В годы перестройки Казат Акматов совмещал деятельность секретаря Союза писателей республики с творческим поиском. С одной стороны, он был в гуще общественных и политических событий, с другой, напряженно размышлял о судьбе эпоса и через него – о судьбе своего народа. “Писатель улавливает в мире смыслы и превращает эти смыслы в тексты, понятные другим” [11]. В годы перестройки, на пересечении двух полей своей деятельности, Казат Акматов уловил смыслы, витающие в обществе, и создал первую в истории кыргызской прозы реконструкцию традиционного сакрального отношения к эпосу “Манас” и его сказителям. Иначе говоря, Акматов запустил тот процесс, который в антропологии называется “ревитализацией”, “изобретением” или “актуализацией традиций” [12].

Заключение. После распада СССР процесс реконструкции традиций пошел мощным ходом во всех сферах. Строительство независимого Кыргызстана, поиск государственной идеологии актуализировали именно те смыслы, о которых К. Акматов написал роман в годы перестройки. Среди тех, кто делал дальнейшее развитие страны, были друзья и враги, коллеги и товарищи, оппоненты и единомышленники Казата Акматова. Не случайно роман часто возникал в интервью с одним из активистов перестроечного движения Жумагазы Садыр уулу. Но так же следует заметить, что многие информанты вовсе и не читали роман Акматова. Однако все эти люди были, прежде всего, современниками писателя. Даже если они не читали его роман и тем более не руководствовались им, они работали в одном социальном

пространстве, сталкивались с похожими смыслами и просматривали возможные варианты и схемы. Та модель, которую в художественной форме впервые концептуализировал Казат Акматов, стала одной из самых востребованных.

Литература

1. См.: Судьба эпоса Манас после Октября: сборник документов. Бишкек, 1995.
2. *Асаналиев К.* Көркөм нарк: Адабий сын макалалар / К. Асаналиев. Фрунзе, 1988. С. 92–100; *Акматов К.* Окуялар, адамдар (миң бир күн) / К. Акматов. Бишкек, 1998. С. 53–55; *Артыкбаев К.* XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы / К. Артыкбаев. Бишкек, 2004. С. 143–144.
3. *Артыкбаев К.* XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы / К. Артыкбаев. Бишкек, 2004. С. 563.
4. *Акматов К.* Күндү айланган жылдар / К. Акматов // Ала-Тоо. 1988. № 10. С. 3–74; № 11. С. 20–65; 1889. № 1. С. 20–78.
5. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. М., 1968. С. 504.
6. *Лотман Ю.М.* Происхождение сюжета в типологическом освещении / Ю.М. Лотман // Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973. С. 9–41.
7. Судьба эпоса “Манас” после Октября: сборник документов. Бишкек, 1995. С. 114–116.
8. *Акаев А.* Манас – кыргыз рухунун өчпөс жылдызы / А. Акаев // Залкар инсандар жөнүндө. Бишкек, 1999. С. 6–24.
9. *Артыкбаев К.* XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы / К. Артыкбаев. Бишкек, 2004. С. 598–601.
10. *Переслегин С.* О влиянии литературы на общество и об ответственности писателя / С. Переслегин. URL: <http://www.rusf.ru/interpresscon/1998/doclad/do98prsl.htm>
11. *Переслегин С.* О влиянии литературы на общество и об ответственности писателя / С. Переслегин. URL: <http://www.rusf.ru/interpresscon/1998/doclad/do98prsl.htm>
12. *Hobsbawm Eric, Terence Ranger.* The Invention of Tradition. 1983; *Anthony F. Wallace* Revitalization movements / F. Anthony // *American Anthropologist*. New Series 58. P. 264–281.